

ВЕЛИКИЙ АРТИСТ

К 90-летию со дня
рождения В. И. Качалова

Имя выдающегося деятеля русского театра, крупнейшего артиста Василия Ивановича Качалова неразрывно связано с Московским Художественным театром, в котором он проработал почти полвека.

В 1900 году в труппе Художественного театра появился высокий, стройный, светловолосый 25-летний актер, приехавший из Казани, актер, обладавший исключительными артистическими данными и пленительным голосом, сильным, певучим, со множеством тончайших интонаций. Это был Василий Иванович Качалов.

Театр пленил Качалова с детства. В гимназии родного города Вильно он принимал активное участие в любительских спектаклях, поражая всех знанием многих ролей из «Ревизора», «Гамлета», «Леса», «Гора от ума».

Увлечение театром продолжалось и в Петербурге, где Качалов учился в университете на юридическом факультете. В Петербурге он участвует в спектаклях любительского кружка студентов, которым руководил выдающийся актер Владимир Николаевич Давыдов, создатель классических образов Фамусова, Подколесина, Горюхиного. Из числа его учеников вышло много известных театральных деятелей.

Выступления Качалова в петербургских любительских спектаклях обращали на себя внимание публики, рецензенты посвящали его игре восторженные отзывы. Особенно хвалили Качалова за Несчастливцева в «Лесе» Островского. В. Н. Давыдов говорил, что он после знаменитого Рыбакова не видал такого Несчастливцева.

В 1896 году по совету художника Репина, Василий Иванович Качалов, не порывая с университетом, поступает на профессиональную сцену.

Он становится актером труппы театра, возглавляемого издателем газеты «Новое время» Сувориным.

Во время переговоров об условиях Суворин попросил Качалова изменить свою «тяжелую» фамилию унаследованную от отца — Швербович на более легкую. При подписании контракта Василий Иванович долго не мог решить, какой взять ему псевдоним, рука с пером замерла в воздухе. Неожиданно взгляд его упал на лежащую рядом газету «Новое время», на первой странице которой было напечатано траурное извещение о смерти некоего Василия Ивановича Качалова. Не задумываясь далее, Василий Иванович решительно подписался псевдонимом «Качалов», который навсегда слился с его именем.

Не найдя в театре Суворина должного применения своим силам, Качалов, по совету Давыдова, решил начать свою артистическую деятельность в провинции.

«В клетчатых штанах, в цилиндре на голове и в огненно-рыжем пальто явился я в Казань», — рассказывал Василий Иванович. Там он поступает в «Казано-Саратовское товарищество актеров», антрепренером которого был М. Бородай. Труппа была сильной, потому что Бородай угадывал молодые дарования, умело и требовательно подбирал актеров.

Ставились пьесы Островского, Чехова, Пушкина, Шекспира, Мольера и других драматургов. В первый год Качалов выступил более чем в 60 ролях. На следующий год он сыграл свыше ста ролей. Это был огромный труд, если учесть, что Качалов отдавал всего себя искусству. Каждая роль была отработана им тщательно и с большой любовью.

Имя талантливого актера дошло до Москвы. Качаловым заинтересовались и руководители Общедоступного Московского Художественного театра Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко. Они пригласили молодого актера в свой театр.

Придя на сцену Московского Художественного театра, Качалов попал в совершенно новую для него атмосферу. Его поразило то, что актеры нового театра на сцене говорили очень просто, не прибегая к эффектным позам и жестам. На репетиции играли так, словно в зале сидели зрители.

— Я попал в какой-то другой театр, где говорят на другом языке. И я должен этому языку выучиться, я должен его понимать и на нем играть, — говорил Василий Иванович.

Первые пробы Качалова в Художественном театре прошли неудачно. Мешали штампы, унаследованные им от работы на провинциальной сцене. Но через несколько месяцев Василий Иванович постиг метод Художественного театра и блестяще выступил в роли царя Берендея в «Снегурочке» Островского.

— Это чудо! Вы — наш! Вы все поняли! Поняли самое главное, самую суть нашего театра! — воскликнул Станиславский.

С первого же выступления на сцене МХАТа Василий Иванович стал любимейшим актером демократической русской интеллигенции. Его искусство несло людям идеалы гуманизма, вселяло веру в человека.

50 лет творческой жизни отдавал Качалов искусству, создавая ряд незабываемых образов — Тузенбах, Трофимов, Гаев в чеховских пьесах, Барон и Захар Бардин — в произведениях Горького и другие.

Барона он играл в течение 45 лет и всегда вызывал восхищение Алексея Максимовича. Еще на генеральной репетиции

первой постановки пьесы Горький был потрясен Качаловым: «Ничего подобного я не писал. Но это гораздо больше, чем я написал. Я об этом и не мечтал. Я думал, что это «никакая» роль, что я не сумел, что у меня ничего не вышло», — говорил Горький.

Качаловым были созданы монументальные образы русской и мировой классики: Чацкий и Иван Карамазов, Юлий Цезарь и Гамлет, пушкинские Пимен и Дон-Жуан и многие другие. А работа над пьесой Всеволода Иванова «Бронепоезд 14—69», где Качалов сыграл Никиту Вершинина, стала важным этапом в творчестве театра.

Мне приходилось часто общаться с Василием Ивановичем, приглашая его для участия в эстрадных выступлениях и концертах в честь различных торжественных дат. Ближко зная артиста, я имел возможность наблюдать, как он работал, как создавал свои замечательные роли, каким был в жизни. Василий Иванович был великим тружеником, он тщательно отработывал и оттачивал роль. Работал он над ролью не только в театре, но и дома, на улице, в вагоне поезда.

Василий Иванович был обаятельным, чутким, внимательным человеком, любящим юмор, веселье.

В 1924 году в Москве, в Филладее Большого театра была поставлена опера моего племянника композитора Виктора Дюлидзе «Кето и Котэ». На премьере, прошедшей с большим успехом, присутствовали А. Луначарский, А. Толстой, К. Станиславский, В. Мейерхольд

и другие деятели искусства. А после спектакля был устроен банкет, на котором тамадой был избран Качалов. Василий Иванович и эту свою роль провел блестяще, внес оживление в общую атмосферу вечера, в стихах поздравлял композитора с успехом его оперы.

С большой любовью относился Качалов к писателям, дружил со многими из них, часто выступал на концертной эстраде с чтением произведений современных поэтов. В последние годы жизни он создавал литературные композиции по произведениям Шекспира, Пушкина, Островского, выступал в них не только как актер, но и как режиссер и автор литературного монтажа. Никто из актеров до него не брал на себя таких задач. Качалов явился новатором в этом жанре. Немирович-Данченко, очень одобряя эстрадную деятельность актера, писал: «Как можно крепче этим займитесь, — потому что вы на эстраде не меньше, чем Шаляпин поющий».

Огромная популярность Качалова была заслуженной. Его деятельность была высоко оценена: он награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, удостоен званий Народного артиста СССР и лауреата Государственной премии.

В. И. Качалов не только снизил любовь и признание своих соотечественников, но и покорила зрителей Европы и Америки во время гастролей МХАТа. Актер-трибун всегда шел в первых рядах прогрессивного искусства.

Ф. ДОЛИДЗЕ.